

О сходстве и различии в употреблении пассива в русской и турецкой речи

Проведено сравнительное исследование употребления в турецкой и русской речи форм страдательного залога. В ходе работы обнаружены различия в использовании глагольных форм, выражающих значение пассива. Русский язык имеет несколько способов такого выражения, турецкий язык в этом отношении более последовательный и передает значение страдательности одним способом, причем отмечается регулярность в употреблении залоговых форм в речи. Продемонстрированы различные языковые стратегии в кодировании одного и того же мыслительного содержания, что позволит понять сами языковые механизмы, а также облегчить восприятие сложного грамматического значения пассива для носителей противоположных языков с целью эффективного усвоения ими чужого языка. Исследование проведено в рамках системной лингвистики на основе предположения, что причину языковых способов выражения того или иного значения следует искать в детерминанте языковых типов. Русский язык является флективным языком, турецкий язык входит в группу агглютинативных языков. Разные способы выражения значения пассива коренятся в различном грамматическом принципе: носители русского языка имеют набор заготовленных заранее способов выражения, носители турецкого языка — набор отдельных морфем, из которых и формируют словоформу в момент разговора.

Ключевые слова: системная лингвистика, Г.П. Мельников, категория залога, страдательный залог, актив, пассив, пассивные конструкции, турецкий язык, грамматика тюркских языков.

В современном языкознании все больший интерес вызывают исследования, направленные на сравнение способов кодирования одного и того же мыслительного содержания, обнаруживаемых в разных языковых системах. При этом крайне важным для науки предстает анализ систем, относящихся к языкам различного типологического устройства, например языков флективных и агглютинативных [1]. Подобные исследования приобретают все большую значимость в силу самых разных причин. В эпоху глобализации, при более тесном взаимодействии народов на самых разных уровнях жизнедеятельности, у людей растет потребность в изучении иностранных языков, вследствие чего усиливается и запрос на создание эффективных методик преподавания. На наш взгляд, эффективными можно назвать методики, ориентированные на высвечивание в иностранном языке чуждых языковых явлений, тех языковых форм и способов языкового выражения, которые отличаются от имеющихся в родном языке [7. С. 139]. На практике это проявляется в том, что при преподавании иностранного языка необходимо осознавать как все его «острые углы», так и моменты несовпадений с родным языком. Нередко именно различия в области языковых систем оказываются препятствиями на пути постижения нового языка, и чем дальше изучаемый язык отстоит от языка родного, тем, бесспорно, возникает больше препятствий. В этом отношении конкретным прикладным целям могут и должны служить достижения теоретического языкознания. Так, результаты исследований в области системной лингвистики

The author of the article conducts a comparative study of the use of forms of the passive voice in Turkish and Russian speech. In the course of scientific analysis, striking differences are found in the use of verb forms expressing the meaning of the passive. The Russian language has several ways of expressing this, the Turkish language is more consistent in this respect and conveys the meaning of suffering in one way, and adheres to the regularity in the use of voice forms in speech. The author demonstrates various language strategies in coding the same mental content, which can help in understanding the language mechanisms themselves, as well as facilitate the perception of the complex grammatical meaning of the passive for speakers of opposite languages for more effective mastering of a foreign language. The author conducts research within the framework of system linguistics, believing that the reason for the language ways of expressing a particular meaning should be sought in the determinant of language types. The Russian language is an inflectional language, the Turkish language is included in the group of agglutinative languages. Different ways of expressing the meaning of the passive are rooted in a different grammatical principle: Russian speakers have a set of pre-prepared ways of expression, while Turkish speakers have a set of separate morphemes, from which they form a word form at the moment of speaking.

Keywords: systems linguistics, G.P. Melnikov, voice category, passive voice, active, passive, passive constructions, Turkish language, grammar of Turkic languages.

могут иметь применение и в области методических разработок по преподаванию разных языков с целью преподнесения сложного, экзотического материала одного языка изучающим этот язык людям, которые являются носителями другого языка и другой культуры.

Предмет настоящего исследования — речевые реализации формы страдательного залога и выделение тех сходных и отличительных черт, которые наблюдаются в этом вопросе как в турецкой, так и в русской речи. Исследования даже в рамках одной грамматической темы и сравнение примеров того, как в языке кодируется мысль, содержащая информацию о том, что принято именовать пассивом, позволят в итоге выйти на обобщения общетеоретического уровня. По словам Й. Коржинека, в любом конкретном высказывании, даже самом незначительном по объему, всегда реализуется вся его языковая типологическая сущность. В любом речевом отрезке проявляются все структурные закономерности, присущие языку в целом. Языковая система исчерпывающе представлена совокупностью индивидуальных речевых актов, в которых она получает осязаемое воплощение [8. С. 317–318]. С другой стороны, необходимо осознавать, что любые смыслы и любое мыслительное содержание могут быть выражены средствами разных языков. Ссылаясь на опыты переводов с различных языков, В. Гумбольдт отмечает, что «пусть даже с различной точностью, каждая мысль может быть выражена в любом языке» [5. С. 308].

Направленность любого лингвистического исследования определяет тот терминологический аппарат, который лежит в его основе. Настоящее исследование в качестве базового избирает комплекс теоретических положений, выработанных системной лингвистикой и ее основателем Г.П. Мельниковым (1928–2000) [11]. Язык, согласно его концепции, представляет собой естественную систему и в силу своей интерпретационной особенности по-разному членит объективную действительность, о чем свидетельствуют слова и формы различных языков мира [15. С. 19]. В связи с еще одним тезисом о различии языка и мышления, который поддерживает автор статьи [6], хотелось бы особо подчеркнуть, что именно в значениях (означаемых) языковых единиц (и лексических, и морфологических) прежде всего и заложено различное понимание, различная интерпретация языком фрагментов окружающего мира, отражение которых на уровне мышления (сознания), скорее всего, является одинаковым у носителей разных языков. Именно те языковые образы, которые составляют значения как лексических, так и морфологических (грамматических) единиц, отличают один язык от другого. Другими словами, наиболее значимые различия языков заключены в значениях их единиц.

Однако различия в языковых значениях выявить на практике становится возможным, лишь анализируя речевые использования конкретной единицы и регистрируя конкретные смыслы (смысловое поле) исследуемого слова или морфологической формы. Так, турецкое слово *bardak* находит свое соответствие в русском слове *стакан* лишь приблизительно. Как известно, в русском языке предмет, который означает этим словом, «представляет собой цилиндрический сосуд без ручки» [13. С. 622], используемый для различных напитков и имеющий для носителя русского языка определенный вид. При анализе смыслов слова *bardak* в турецкой речи становится понятным, что оно употребляется в нескольких случаях: во-первых, для названия того, что в русском языке называется стаканом, а во-вторых, для названия особого сосуда, размер которого меньше, чем у стакана, который имеет сужение посередине и из которого жители Турции пьют чай. Причем на первый взгляд этот сосуд никак не ассоциируется у русскоговорящего человека с классическим русским стаканом.

Любой язык, таким образом, должен восприниматься исследователями в качестве носителя набора уникальных языковых значений, аналогов которых в других языковых системах может и не быть. Но кроме этого положения причиной разительных различий между языками на уровне имеющихся в их системах средств технического преобразования слова, бесспорно, является, как было уже отмечено, принадлежность языков к разным языковым типам. У языков с флективной структурой и состав морфем, и правила их функционирования будут существенно отличаться от того, что наблюдается в языках агглютинативного типа. Одним из основоположников подхода

к поиску общего принципа организации языковой системы и различий в типах языков по праву можно назвать Г.П. Мельникова. Именно этому ученому принадлежит идея, что в основе каждого языкового типа лежит свой доминирующий закон — детерминанта, определяющая всю структуру языка и обуславливающая имеющиеся в языках данного типа особенности [10. С. 105]. Русский и турецкий языки принадлежат к языкам разных морфологических типов: русский язык является языком флективного типа, турецкий — агглютинативного. Это положение выступает в качестве фактора, обуславливающего наличие различных стратегий в передаче мыслительного содержания пассивности. Эти различия вытекают из разных детерминант данных типов языков. Г.П. Мельников, размышляя о причинах специфики языкового устройства тюркских языков, опирался на идеи предшествующих ученых, среди которых русский ученый польского происхождения И.А. Бодуэн де Куртэнэ (1845–1929). Этот лингвист при сопоставлении строя индоевропейских и «туранских» языков отмечал, что во флективных индоевропейских языках наблюдается «слитие всех слогов, как суффиксов и т.д., в одно слово», тогда как в «туранских» языках «сохраняется отчетливость, обособленность суффиксов, сочетающихся, так сказать, только временно с известным главным корнем» [2. С. 104].

В этой подчеркнутой «временности» соединения морфем в одно слово Г.П. Мельникову и удалось нащупать чрезвычайно важную характеристику агглютинативных языков вообще. Очевидно, что само устройство агглютинативных языков предполагает меньшую степень спаянности между элементами со служебным грамматическим значением и элементами лексическими знаменательными, которые и представляют собой предметы мысли. В сфере морфологии этих языков отмечается относительная независимость, несопряженность, неслитность лексических и служебных грамматических значений, относительная функциональная автономность лексем и служебных морфем. Согласно формулировке Г.П. Мельникова, эта абстракция представляет собой то свойство, которое лежит в основе принципиального различия устройства флективных и агглютинативных языков [11. С. 339]. Носители флективных языков при построении высказываний обычно выбирают словоформы из некоего набора готовых словоформ, т.е. воспроизводят в знаковой форме готовые комбинации монем; в тюркских языках словоформы производятся, составляются прямо в момент разговора, т.е. тогда, когда носитель языка строит высказывание, словоформы которого он формирует из отдельных морфем [12. С. 63–67]. Таким образом, именно «коллекционность» словоформы агглютинативных языков, т.е. ее способность, во-первых, быть производимой, собираемой в момент порождения высказывания из неких исходных элементов (морфем) и, во-вторых, распадаться на эти исходные элементы после того, как высказывание передано, является самой базисной характеристикой, определяющей все остальные черты урало-алтайских агглютинативных языков. «Коллекционная природа этих языков», по мнению Г.П. Мельникова, внешне проявляется как тенденция к экономии служебных морфем, что и представляет собой детерминанту классического агглютинативного строя [9. С. 130].

В русском языке функционирование формы страдательного залога имеет существенное отличие от того, что наблюдается в турецком языке. Если обратиться к специальной литературе по грамматике русского языка, то станет очевидным, что учение о залоге в русистике имеет длительную традицию, на протяжении которой многие исследователи стремились описать и объяснить эту категорию. Уже в русской грамматике М.В. Ломоносова были очерчены основные значения тех залоговых форм, которые впоследствии многими учеными включались в единую категорию. При этом стоит отметить, что запутанность залоговых отношений, нерегулярность употребления залогов, отсутствие ясного единого способа их образования не раз отмечались исследователями русского языка; эти факты неоднократно побуждали их сомневаться в том, пригодно ли вообще учение о залогах для русской грамматики и соответствует ли оно природе русского глагола? В.В. Виноградов, анализируя русский залог, сделал вывод, что залог в области грамматики ближе к синтаксису предложения, чем к морфологии слова [3. С. 606].

В чем же состоят основные трудности выделения в русском языке формы страдательного залога? В русском языке, прежде всего, нет единого способа образования страдательного залога.

Образование этой формы напрямую связано с грамматическими характеристиками самого глагола: его переходностью/непереходностью, видовым значением. Страдательный залог может быть образован только от переходных глаголов; непереходные глаголы не могут быть употреблены в этой форме. При этом в предложении глагол в страдательном залоге не всегда употребляется в форме времени. Так, глаголы совершенного вида получают значение пассива посредством аналитического способа сочетания бытийного глагола и страдательного причастия: *быть сделанным*. Для глаголов несовершенного вида страдательной формой становится глагол с показателем *-ся*.

- Книга напечатана (сов. вид).
- Книга была напечатана.
- Стихи печатаются в этом журнале (несов. вид).
- Стихи печатались в этом журнале.

Исследователи-русисты полагают, что категория залога в русском языке не является чисто морфологической категорией. Так, в «Русской грамматике» указано, что залог является грамматической категорией, формируемой средствами морфологии и синтаксиса [14. С. 611]. Различие значений действительного и страдательного залогов достигается путем сравнения специальных конструкций актива и пассива, в которых одна и та же реальная ситуация показана при разных позициях субъекта и объекта действия. По мнению русистов, в активной конструкции *Литература выбирает читатель* глагольный признак представлен как исходящий от его носителя, в пассивной конструкции *Литература выбирается читателем* — как направленный на него [Там же].

В турецком языке, как языке агглютинативного типа, проявляется несколько основоположных принципов. В этом языке конкретное грамматическое значение в большинстве случаев закреплено за одним морфологическим показателем и образуется по единой схеме. В турецком языке четыре формы категории залога: страдательный, понудительный, возвратный, взаимный [4. С. 53]. Показатель страдательного залога следует сразу же после основы глагола и, в отличие от русского языка, может быть присоединен практически к любому глаголу независимо от того, является тот переходным или непереходным. Некоторые ограничения могут быть наложены лишь на те глаголы, в лексическое значение которых уже включена сема пассивности, например: *doğmak* ‘рождаться’, *rişmek* ‘вариться, готовиться’, *değişmek* ‘изменяться’, *koptak* ‘отрываться’. Кроме того, отличным от русского языка будет то, что глаголы в страдательном залоге могут быть употреблены практически во всех словоизменительных формах: в отрицательном статусе, в формах глагольных имен, во всех формах времен:

1	İş yap-ıl-dı. Работа делать – PASS-PST3SG ¹ 'Работа сделана'	6	İş yap-ıl-mı-yor. Работа делать – PASS-NEG-PRES3SG 'Работа сейчас не делается'
2	İş yap-ıl-ma-dı. Работа делать – PASS-NEG-PST3SG 'Работа не сделана'	7	İş yap-ıl-acak. Работа делать – PASS-FUT3SG 'Работа будет сделана'
3	İş yap-ıl-ır. Работа делать – PASS-PRES. FUT-3SG 'Работа делается всегда'	8	İş yap-ıl-ma-acak. Работа делать – PASS-NEG-FUT3SG 'Работа не будет сделана'
4	İş yap-ıl-maz. Работа делать – PASS-PRES. FUTNEG3SG 'Работа никогда не делается'	9	...yap-ıl-an iş... ...делать – PASS-PTCP работа 'Сделанная работа'
5	İş yap-ıl-ıyor. Работа делать – PASS-PRES3SG 'Работа делается сейчас'	10	İş yap-ıl-madan patrona rapor verilmez. Работа делать – PASS-NEGCVB начальник – DAT давать – PASS-PRES. FUTNEG3SG 'Пока работа не сделается, отчет начальнику не предоставляю'

¹ 3 — third person — 3-е лицо; SG — singular — единственное число; PASS — passive — страдательный залог; PRES — present — настоящее время актуального момента с показателем *-yor*; PRES. FUT — present-future — настоящее-будущее время с показателем *-r*; PST — past — форма прошедшего времени с показателем *-dı*; FUT — future — будущее категорическое время с показателем *-(y)acak*; NEG — negation — отрицательный статус; CVB — converb — деепричастие; PTCP — participle — причастие; DAT — dative — страдательно-направительный падеж.

Сопоставительный анализ русских и турецких пассивных высказываний позволил обратить внимание на одну интересную особенность. При переводе турецких высказываний, в которых независимо от времени и технических свойств глагола страдательный залог мог быть употреблен безо всяких ограничений, в русских высказываниях не всегда удавалось употребить соответствующий русский глагол в страдательном залоге. Была обнаружена некая речевая избирательность, заключающаяся в том, чтобы в одних случаях использовать форму страдательного залога в пассивном предложении, в других — форму глагола в действительном залоге, но предложение в этом случае имело неопределенно-личное значение. Даже те глаголы, которые способны выступать в форме собственно страдательного залога в прошедшем и будущем времени, практически не употребляются в форме настоящего времени, а предпочтительным способом в этом случае выступает, как уже было сказано, неопределенно-личный тип предложения.

Письмо было написано вчера.

Письмо уже написано.

Письмо будет написано вечером.

Но! Письмо сейчас **пишут** (*вместо*: Письмо сейчас пишется).

Таким образом, несмотря на то что по существующим правилам русской грамматики переходные глаголы несовершенного вида образуют форму пассива путем присоединения форманта *-ся*, в речи носитель языка предпочитает заменить эту форму, как и всю собственно пассивную конструкцию, на активную, но неопределенно-личную. Увидеть эту речевую особенность русского языка удалось благодаря сравнительному анализу в сопоставлении с турецким речевым материалом.

При переводе турецких предложений на русский язык выяснилось, что в формах настоящего времени русский глагол в страдательном залоге звучит не очень красиво.

Şu anda toplantı **yarılıyor**. 'Сейчас **проводится** собрание'. Лучше: 'Сейчас **проводят** собрание'.

Bu parkta ağaçlar **kesiliyor**. 'В этом парке **вырубаются** деревья' => 'В этом парке **вырубают** деревья'.

Bu lokantada her zaman köfte **yeniliyor**. 'В этом кафе всегда **едятся** котлеты' => 'В этом кафе всегда **едят** котлеты'.

Toplantıda yeni ekonomik kararlar **alınıyor**. 'На собрании **принимаются** новые экономические решения' => 'На собрании **принимают** новые экономические решения'.

Bütün camlar **siliniyor**. 'Протираются все стекла' => 'Протирают все стекла'.

Ayın başında ev sahibine kira **veriliyor**. 'В начале месяца хозяину дома **выплачивается** арендная плата' => 'В начале месяца хозяину дома выплачивают арендную плату'.

Derste hangi konu **işleniyor**. 'Какая тема **прорабатывается** на уроке?' => 'Какую тему **прорабатывают** на уроке?'


Çocuklara ne yemek **pişiriliyor**. 'Какая еда готовится детям?' => 'Какую еду **готовят** детям?'

Именно значение страдательного залога турецкого языка раскрывает, на наш взгляд, сущность значения этого залога в принципе, а также может помочь носителю русского языка понять, почему в некоторых случаях русская пассивная конструкция заменяется на предложение неопределенно-личного вида. У формы страдательного залога в турецком языке отмечаются два значения: первое — собственно страдательное, второе — неопределенно-личное, т.е. показатель этого залога может сигнализировать о том, что производитель у действия отсутствует или представляет собой неважный для коммуникации элемент.

O evde erken **kalkılır**. 'В том доме рано встают'.

Bu mevsimde denize **girilmez**. 'В это время года не купаются'.

Bu gezide tarihi yerlere **gidilecek**. 'На этой прогулке поедут по историческим местам'.

 актический материал иного по своему устройству языка — турецкого — помогает по-новому взглянуть на грамматический механизм русского языка и увидеть семантическую связь между русскими пассивными конструкциями и неопределенно-личными предложениями, а также обосновать тенденцию их замены в русской речи.

Даже в вопросе о страдательном залоге удалось получить подтверждение некоторым положениям системной лингвистики в сфере определения принципов, обуславливающих различия в языковом устройстве русского и турецкого языков как представителей языков флективного и агглютинативного типов. Носитель русского языка кодирует мыслительное содержание путем извлечения из памяти готовых форм слова и нередко уже готовых словосочетаний, поэтому пассив в русском языке не закреплен за какой-то одной формой: он передается либо словосочетанием «быть + страдательное причастие», либо глаголом с суффиксом *-ся*, либо отдельной моделью предложения неопределенно-личного типа. Заученность грамматических способов выражения значений и употребления при этом застывших, готовых моделей является ведущей особенностью языков с событийным коммуникативным ракурсом, к которым принадлежит и русский язык. Стратегия носителя турецкого языка в корне иная. Разбивая мыслительное содержание на отдельные грамматические и лексические значения, он соотносит их с отдельными морфемами и лексемами, после чего соединяет их в единый комплекс только в момент разговора. Принципиальным является то, что в памяти носителя турецкого языка нет готовых словоформ. Именно поэтому значение страдательного залога закреплено за одним морфологическим показателем, который регулярно присоединяется к различным глаголам по единой модели. При этом следует подчеркнуть, что при различии языковых способов кодировки мыслительной семантики, с точки зрения Г.П. Мельникова, «процедуры и механизмы мыслительных процессов и актов, осуществляясь в зоне внеязыкового сознания, в зоне отражения и прогнозирования состояний внешней действительности, остаются общими, универсальными для всех народов, независимыми от строя языка» [11. С. 13].

Литература

1. Бахтиреева У.М., Валентинова О.И. Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 1. С. 224–244.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1. 384 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947. 784 с.
4. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол: на материале староевразийско-тюркского языка. Л., 1990. 165 с.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред. и с предисл. Г.В. Рамшвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М., 2000. 400 с.
6. Дубровина М.Э. К вопросу о разграничении понятий «язык» и «мышление»: (из истории вопроса) // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov: сб. ст. / отв. ред. Е.А. Оганова*. М., 2015. С. 42–49.
7. Дубровина М.Э. Типологические различия изучаемого и родного языков как препятствия на пути успешного овладения иностранным языком: (на материале турецкого языка) // *Татарское языкознание в контексте евразийской гуманитарной науки: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 1–4 ноября 2016 г.) / под ред. Р.Р. Замалетдинова, Г.Р. Галиуллиной*. Казань, 2016. С. 138–142.
8. Коржинек Й. К вопросу о языке и речи // *Пражский лингвистический кружок*. М., 1967. С. 317–337.
9. Мельников Г.П. Рецензия на книгу: Тюркский вокализм и сингармонизм: (опыт историко-типологического исследования) / М.А. Черкасский // *Вопросы языкознания*. 1966. № 5. С. 130.
10. Мельников Г.П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // *Народы Азии и Африки*. 1969. № 6. С. 104–113.
11. Мельников Г.П. Системная типология языков: принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.

References

1. Bakhtikireeva U.M., Valentinova O.I. Osobennosti "iazykovogo myshleniia" s pozitsii sistemoi lingvistiki // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. T. 26. No. 1. S. 224–244.
2. Boudouin de Courtenay J. Izbrannnye trudy po obshchemu iazykoznaniiu. Moscow, 1963. T. 1. 384 s.
3. Vinogradov V.V. Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove. Moscow; Leningrad, 1947. 784 s.
4. Guzev V.G. Ocherki po teorii tiurkskogo slovoizmeneniia: glagol: na materiale staroanatoliisko-tiurkskogo iazyka. Leningrad, 1990. 165 s.
5. Humboldt W. Izbrannnye trudy po iazykoznaniiu / per. s nem. pod red. i s predisl. G.V. Ramishvili; poslesl. A.V. Gulygi i V.A. Zvegintseva. Moscow, 2000. 400 s.
6. Dubrovina M.E. K voprosu o razgranichenii poniatii "iazyk" i "myshlenie": (iz istorii voprosa) // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov: sb. st. / отв. ред. Е.А. Оганова*. Moscow, 2015. S. 42–49.
7. Dubrovina M.E. Tipologicheskie razlichii izuchaemogo i rodnogo iazykov kak prepiatstviia na puti uspešnogo ovladeniia inostrannym iazykov: (na materiale turetskogo iazyka) // *Tatarskoe iazykoznanie v kontekste evraziiskoi gumanitarnoi nauki: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kazan', 1–4 noiabria 2016 g.) / pod red. R.R. Zamaletdinova, G.R. Galiullinnoi*. Kazan', 2016. S. 138–142.
8. Korzhinek J. K voprosu o iazyke i rechi // *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok*. Moscow, 1967. S. 317–337.
9. Melnikov G.P. Retenziia na knigu: Tiurkskii vokalizm i singarmonizm: (opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniia) / M.A. Cherkassky // *Voprosy iazykoznaniiia*. 1966. No. 5. S. 130.
10. Melnikov G.P. Sintaksicheskii stroi tiurkskikh iazykov s pozitsii sistemoi lingvistiki // *Narody Azii i Afriki*. 1969. No. 6. S. 104–113.
11. Melnikov G.P. Sistemnaia tipologiiia iazykov: printsipy, metody, modeli. Moscow: Nauka, 2003. 395 s.

12. Мельников Г.П. Языковая стратификация и классификация языков // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969. С. 45–73.

13. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.

14. Русская грамматика: в 2 т. / Н.С. Авилова, А.В. Бондаренко, Е.А. Брызгунова и др. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.

15. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. С. 19.

12. Melnikov G.P. Iazykovaia stratifikatsiia i klassifikatsiia iazykov // Edinitsy raznykh urovnei grammaticheskogo stroia iazyka i ikh vzaimodeistvie. Moscow, 1969. S. 45–73.

13. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo iazyka / pod red. chl.-korr. AN SSSR N.Yu. Shvedovoi. 20-e izd., stereotip. Moscow: Rus. iaz., 1988. 750 s.

14. Russkaia grammatika: v 2 t. / N.S. Avilova, A.V. Bondarenko, E.A. Bryzgunova i dr. T. 1: Fonetika. Fonologiiia. Udarenie. Intonatsiia. Slovoobrazovanie. Morfologiiia. Moscow: Nauka, 1980. 783 s.

15. Serebrennikov B.A. O materialisticheskom podkhode k iavleniiam iazyka. Moscow, 1983. S. 19.



Мargarита Эмильевна Дубровина,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры тюркской филологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Dubrovina Margarita E.,
Candidate of Philology,
Associate Professor of the Turkic Philology Department
St. Petersburg State University

e-mail: m.dubrovina@spbu.ru

